

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ЕВРОПЕЙСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Анализ ценностных оснований европейского единства на примере посреднической роли ЕС в палестино-израильском конфликте

С.В. Мельникова

Мельникова Софья Владимировна — аспирантка кафедры дипломатии МГИМО МИД России. 119454, Москва, проспект Вернадского, 76. E-mail: sophiazavodnik@gmail.com

Мельникова С.В. 2020. Существует ли европейская идентичность? Анализ ценностных оснований европейского единства на примере посреднической роли ЕС в палестино-израильском конфликте.

Концепт: философия, религия, культура. Том 4. № 3(15). С. 29–42.

<https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>

Статья поступила в редакцию: 04.06.2020. Принята к публикации: 31.08.2020.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Изучение ценностных лекал, определяющих культурную и политическую идентичность, представляется актуальным в силу того влияния, которое ценностные ориентации могут оказывать на реальную политику и её идеолого-политическое обеспечение. Философия культуры позволяет поставить вопрос о структуре и динамике тех ценностей, которые определяют так называемую «европейскую идентичность», а также проследить её становление в процессе взаимодействия Европейского союза как актора международных отношений с другими субъектами этих отношений. Цель данной работы — проанализировать основные этапы рефлексии над «европейской идентичностью» в связи с посреднической деятельностью ЕС в палестино-израильском конфликте. В связи с этим решаются такие задачи, как установление спектра официально декларируемых и реально проводимых в жизнь ценностей Евросоюза в ходе его посреднической деятельности по урегулированию конфликта. Методология исследования предполагает опору на аксиологический анализ отдельных аспектов посреднической деятельности ЕС. В качестве источников использованы официальные документы ЕС. Научная новизна данной работы состоит в обращении к дискуссионному вопросу о культурной идентичности применительно к такому международному актору, как ЕС. Этот вопрос рассматривается сквозь призму соотнесения ценностей различных уровней путём сопоставления деклараций (официальной идеологии и риторики) и реальной политики. Гипотеза исследования состоит в том, что ценности ЕС, декларируемые в официальных документах, могут не совпадать с его реальными внешнеполитическими ориентирами. Данная гипотеза апробирована на примере анализа посреднической деятельности ЕС на палестино-израильском направлении. Теоретическая значимость исследования состоит в раскрытии специфики проявления основных контуров актуальной «европейской идентичности» как преимущественно экономической и политической

целесообразности, слабо связанной с нормативно-этическими декларациями, лежащими в основе «программной» европейской идентичности, подкреплённой соответствующими документами.

Ключевые слова: ценностный фундамент культуры, культурная идентичность, европейские ценности, внешняя политика ЕС, палестино-израильский конфликт.

Введение

В контексте изучения международных отношений определённый интерес представляют вопросы культурной идентичности, особенно — в связи с рассмотрением ценностных трансформаций в их повседневном бытовании и нормативно-идеологическом преломлении. Ориентация в актуальных интерпретациях так называемых «фундаментальных ценностей», определяющих идентичность, позволяет уточнить некоторые особенности поведения контрагентов общения, выявить ключевые ценностные трансформации, влияющие на общий климат принятия важных политических решений и на этой основе смоделировать некоторые из возможных векторов развития внутри- и внешнеполитических ситуаций.

Ценности, как известно, не являются чем-то застывшим и неизменным. Динамика их трансформаций может проявить глубокие установки коллективного бессознательного, выявляя на уровне рефлексивно принятых идентификационных программ специфику групповой солидарности разных типов. И хотя культурная идентичность в силу своего комплексного характера предполагает отсылку к историческим и бытовым фактам не менее, чем к фактам экономическим, её наполнение так же изменчиво в зависимости от многих обстоятельств (включая дискурс власти и т.п.). Именно в силу этого общеизвестного обстоятельства в ходе изучения культурных идентичностей нельзя игнорировать их проекции, имеющие место в политических идентичностях, в том числе — на уровне государств и/или надгосударственных объединений [Философия культуры в системе..., 2020: 267].

Очевидно, что представленные здесь ценности имеют многоуровневый и разнонаправленный характер; причём анализ внешнеполитической риторики и официальных документов позволяет проследить конкретные различия ценностей «реальной политики» — и идеологических деклараций по тому или иному вопросу.

В данной связи актуален анализ посреднической роли Евросоюза в таком сложном и затяжном конфликте, как палестино-израильский. Думается, для прояснения этого вопроса необходимо:

1. Опираясь на официальные документы ЕС, а также уже существующие отечественные и зарубежные исследования, выявить базовые ценности ЕС;
2. На основе анализа научных работ, касающихся роли ЕС в урегулировании палестино-израильского конфликта, изучить конкретные действия ЕС, связанные с проблемой палестино-израильского конфликта;
3. Соотнести декларативные европейские ценности с реальной политикой ЕС на палестино-израильском направлении.

Анализ посреднической роли ЕС в этом конфликте позволяет выявить некоторые особенности *внутренних процессов самого ЕС*, — в частности, процессов, определяемых пестротой «европейских идентичностей». Раскрытие ценностной основы «единой европейской идентичности», предпринятое в данном исследовании, показало, что ЕС не избежал судьбы других «воображаемых сообществ» [Anderson, 1991: 109]: реальные политические и культурные идентичности здесь множественны и достигают требуемого единства за счёт, в том числе, механизмов действия общего рынка и политической

воли — более, чем за счёт реальных или декларируемых «общих ценностей» этического плана.

На сегодняшний день тезис о «едином пространстве европейской культуры» является дискуссионным в силу ряда причин. Среди них — внутренние и внешние кризисные процессы, а также теоретические споры о будущем Евросоюза. Кризис ЕС больше, чем просто Brexit или проблемы массовой миграции. Он связан и с упадком доверия к европейским властям, и недостатком солидарности, и ростом разочарования в самой евроинтеграции [Dinan, 2017: 93]. Насколько правомерно сейчас говорить о «европейской культуре» или «общих европейских ценностях»? Можно ли считать европейское единство очередной политической идеологемой, срок жизни которой существенно сократили иммиграционный кризис, выход Великобритании из союза, рост популярности евроскептиков, экономические проблемы и т.д. [Ерёмина, 2017]. Или же перед нами действительное единство ценностных основ политического бытия, способное воспроизводить себя в разных условиях, преодолевая кризисы? И наконец, если всё же попытаться объединить в одном исследовании отчётливо осознаваемые ценности идеологические и слабо рефлектируемые «реальные ценности», — можно ли утверждать, что центростремительное движение в культурном и политическом пространстве ЕС сегодня преобладает над центробежным? Если да — то насколько культурное единство Европы способно консолидировать политическую волю ЕС в решении конкретных внешнеполитических задач? То есть, в конечном итоге, — существует ли «европейская идентичность»?

Отвечая на этот вопрос, обратимся кратко к истории понятия «культура» применительно к современному гуманитарному знанию. «Культурный поворот», оказавший влияние в том числе на область теории международных отношений, предлагает рассматривать культуру как сеть смыслов [Geertz, 1973], определяемых преобладающими в обществе ценностными установками [Schwartz, 2007], — в той степени, в какой эти установки явля-

ются базой для формирования внутренней и внешней деятельности государств [Inglehart, 2001; Hofstede, 2001]. Понятие «культура» также занимает важное место в ряде современных подходов к изучению международных отношений. Например, в рамках *неоклассического реализма* культура рассматривается как «промежуточная переменная» или «атрибут государства», который оказывает серьёзное влияние на формирование внешней политики государства. Отказ от изучения этого влияния делает исследовательскую картину неполной и возвращает исследователя к недостаткам теории классического реализма К. Уолтца [Коньшев, 2020: 104].

Особое внимание культурно-историческим факторам (как основе *area studies*) уделяет и конструктивизм. Как отмечают авторы статьи «Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений», мировая политика подчиняется социальным законам, — что делает культурно-ценностную составляющую исследования международных отношений чрезвычайно важной [Сергеев, Казанцев, Медведева, 2019: 65]. С этой точки зрения исключительный интерес при рассмотрении международной проблематики представляют работы, посвящённые её преломлению в теории ценностей сквозь призму идей культурологии [Торкунов, 2018; Литвак, 2014], межэтнических коммуникаций [Игнатьева, 2017], «мягкой силы» [Лебедева, 2017: 212-223], философии [Философия культуры в системе..., 2020] и т.д. Особое место здесь занимают и ценностные конфликты. Причём богатый опыт изучения международных отношений показывает: анализ конфликта без учёта культурно-исторических интерпретаций ценностных ориентаций конфликтующих сторон нередко приводит к одномерным выводам, тем самым затрудняя (а не упрощая, как могло бы показаться) пути разрешения конфликта.

Обзор базовых европейских ценностей

Ещё недавно считалось, что идеология единого европейского пространства базируется исключительно на экономическом

компоненте; культурная и политическая идентичность стран-участниц были выведены за скобки, как фактор скорее разобщающий, нежели сплачивающий [Jones, 2012]. Однако в наши дни разговор о европейском единстве всё чаще ведётся с позиций представления о единых ценностях. Если говорить об их кодификации, стоит остановиться прежде всего на Копенгагенских критериях, в числе которых — приверженность принципам демократии, свободы и прав человека. Так же страны, претендующие на вхождение в ЕС, должны иметь развитую рыночную экономику и уважать права меньшинств¹.

В настоящее время многие исследователи склоняются к точке зрения, согласно которой внешнеполитические цели и принципы (ценности) способны демонстрировать общую культурную программу государства или надгосударственного объединения в этически окрашенных терминах. Чаще всего за этими терминами стоят декларируемые позитивные ценности, имеющие отношение к целям, связанным с защитой глобальных и универсальных (с точки зрения представителей западной культуры) принципов [Смирнов, 2018: 867]. Согласно типологии, предложенной норвежской исследовательницей М. Риддервольд, такие принципы (например, права человека) не имеют культурных или национальных рамок [Riddervold, 2008]. Зачастую подобные всеобщие цели и ценности противопоставляются «ненормативным» — реальным целям, определяющимся логикой *real politik*. При этом считается, что в контексте изучения Европейского союза логика *real politik* менее актуальна и уступает место экономическим или материальным соображениям [Wolfers, 1962: 129-143], имеющим статус апробированной модели успешного решения общечеловеческих проблем. «Образцовость» таких моделей проецируется в этическую нормативность.

Подчеркнём: нормативные цели и ценности внешней политики ЕС чётко сформулированы в перечне официальных уставных документов ЕС, — таких, как Маастрихтский договор, проект европейской конституции², Лиссабонский договор, Устав фундаментальных прав ЕС и др. Российская исследовательница Л.О. Игумнова в своём фундаментальном исследовании выделяет несколько ключевых ценностей, формирующих культурную идентичность ЕС, а именно: ценность поддержания мира мирными средствами, уважение и защита человеческих прав и достоинства, всех базовых свобод, демократии, равенства (недискриминации), справедливости и солидарности и устойчивого развития [Игумнова, 2011]. При этом некоторые исследователи согласны, что базовые ценности и цели, заявленные в качестве основы внешней политики Евросоюза, не могут быть «приватизированы» ЕС, поскольку действительно являются общечеловеческими. Их декларативная универсальность указывает на то, что при определённых условиях эти ценности могут быть использованы для создания более благоприятной среды международных отношений, что, в свою очередь, могло бы привести к реальной трансформации ситуации в мире [Habermas, 2001].

Анализ ценностной составляющей приведённых комментариев к официальным документам подталкивает к выводу, что *внешнюю политику Евросоюза можно рассматривать как миссионерскую*, то есть призванную изменить мир, сделать его более справедливым, основанном на таких ценностях, как верховенство закона и принципы гуманности. Именно так, сквозь призму ценностей и культуры, верховенство права и гуманизма, воспринимают ЕС и вне его границ, — об этом убедительно свидетельствуют исследования, посвященные изучению образа Евросоюза в глазах зарубежных партнёров [Самаркина, 2018:

¹ Conditions for membership. European Neighbourhood Policy and Enlargement Negotiations. *European Commission*. Available at: https://ec.europa.eu/neighbourhood-enlargement/policy/conditions-membership_en (accessed 01.06.2020).

² *The Charter of Fundamental Rights of the Union, Treaty Establishing a Constitution for Europe (TCE)*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/charter/default_en.html (accessed 02.05.2020).

114]. Стремление трансформировать мир по своему образу и подобию, «воспроизвести себя» через создание аналогичных институтов в других государствах, распространение определённым образом истолкованной гуманности как базиса всех видов отношений формирует образ ЕС как пример наиболее прогрессивного объединения людей на основе осознания ценности человеческой жизни. Общая внешняя политика, в которой транслируются заявленные «внутренние» ценности, при определённых условиях могла бы способствовать росту осознания европейскими странами себя в качестве лидеров единого человечества, ведущего за собой «остальных». Идея миссии, выраженная таким образом, придаёт совокупности европейских ценностей некий высший смысл, придавая им характер фундаментального принципа, на основе которого может родиться единая европейская идентичность и ощущение коллективного *Мы* [Пушкарева, 2017: 163].

Помимо самого «набора» конкретных ценностей, важно рассмотреть способы их распространения. В арсенале ЕС есть чрезвычайно действенные методы, используемые для трансформации внутренней политики других стран, — например такие, как применение политической обусловленности (кондициональности). Этот механизм заключается в применении материальных стимулов для воздействия на других акторов международных отношений. Логика рационального выбора заставляет многих партнёров ЕС оценить свои издержки и упущенные выгоды, связанные с сопротивлением диктату европейских моделей; и, в конце концов, они, уклоняясь от столкновения с «экономическим шантажом» со стороны ЕС, предпочитают обеспечить соблюдение прав человека и верховенство закона. Практика увязок соблюдения необходимых Евросоюзу положений третьими странами распространена в соглашениях о торговле, в условиях о предоставлении финансовой помощи и других международных документах³.

Итак, в качестве основополагающих принципов Европейский союз как самостоятельный единый международный актор декларирует приоритет базовых общечеловеческих ценностей, таких как: отстаивание прав человека, продвижение мира и равноправия. Следование этим принципам и ценностям во внешней политике призвано укрепить культурное и ценностное единство внутри самого Евросоюза, так же как и их применение во внешней политике через один из практических методов — заключение соглашений нового типа, которые обязуют стороны соблюдать эти стандарты. Надо сказать, что политическая кондициональность в большинстве случаев работает как предложение партнёру по переговорам ультиматума — либо требования ЕС соблюдаются, либо финансовая и экономическая поддержка приостанавливается. Именно такая форма ведения переговоров стала основным способом построения отношений ЕС с другими акторами международных отношений. При этом своё место в мировой политике ЕС видит в распространении таких этических норм, как самопожертвование и взаимопомощь.

Однако реальная внешняя политика Евросоюза не всегда строится в соответствии с тем, как он позиционирует себя на уровне деклараций. В отличие от экономической интеграции, которая произошла достаточно естественно и плавно, объединение культур в некую «европейскую культуру» происходит искусственно, и время от времени расслаивается, погружённая в противоречивые внешнеполитические вопросы, каким и являются отношения с Израилем и палестино-израильский мирный процесс.

Историческая справка: посредническая роль ЕС в палестино-израильском конфликте

Отметим: культурно-ценностный фактор в реализации посреднической роли ЕС в палестино-израильском конфликте име-

³ Communication from the commission to the council and the European parliament on strengthening the European neighbourhood policy. *Brussels*. 4.12.2006. 22 p.

ет исключительный вес и для самого ЕС. В определённой степени обсуждение именно этого конфликта в 1970-х гг. после Шестидневной войны и войны Судного дня стало стартовой точкой в выработке единого европейского видения политики и международных отношений в целом. Так, например, дискуссии глав европейских государств именно на эту тему вылились в создание программы Европейского политического сотрудничества (ЕПС), которая позже эволюционировала в концепцию Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) в 1993 г. [Гудалов, 2016]. Таким образом, появление общего подхода к вопросам войны и мира на Ближнем Востоке, к палестинской политике Израиля, статусу Иерусалима произошло ещё до появления Европейского союза как единого международного актора. Как следствие, в документах ЕС непосредственно затрагиваются вопросы, касающиеся палестино-израильского противостояния в связи с темой европейской идентичности — примером может служить Декларация о европейской идентичности 1973 г.⁴

Об активном участии европейских стран в палестино-израильском мирном процессе можно говорить в связи с такими знаковыми событиями, как война в Заливе и израильское вторжение в Ливан в 1982 г. Однако первые критические замечания по поводу пассивной роли наблюдателя ЕС на Ближнем Востоке прозвучали лишь с начала 1990-х гг. Именно тогда ЕС заявил о том, что готов взять на себя серьёзные обязательства по обеспечению активной работы по достижению мира [Зыкова, 2003].

В соответствии с заявлениями официальных чиновников, деятельность Европы на Ближнем Востоке должна была сводиться к активному участию в международном мирном процессе. По планам европейской политической элиты, ЕС должен был создать условия для развития демократических институтов в Палестине, помочь в организации выборов, реализации образовательных и культур-

ных проектов. Также упоминалось стимулирование региональной кооперации и интеграции и активизация финансовой помощи Палестинской автономии. Так, в начале 1990-х гг. примерно 85 % мировых расходов на Палестинскую автономию выделялось именно Евросоюзом [Зыкова, 2003], что во многом определило финансовую заинтересованность ЕС в обеспечении прогресса в переговорах Израиля и Палестинской автономии. Однако именно тогда, когда европейцы активизировали свою политику в этом направлении, мирный процесс замедлился в связи с ростом популярности, а затем приходом к власти в Израиле правой партии «Ликуд». Это стало причиной ужесточения политики Тель-Авива на палестинском направлении. Европейские лидеры не скрывали своего недовольства изменением курса Израиля, который определил сложные отношения ЕС и Израиля. Правительство Б. Нетаньяху начало строить новые еврейские кварталы как на Западном Берегу, так в арабских кварталах Восточного Иерусалима. По этой причине Израиль после формирования правого большинства в правительстве не поддерживал активизацию участия ЕС в мирном процессе. Усиление роли ЕС как посредника было невыгодно Израилю того времени. Тель-Авив стремился сохранить ситуацию, при которой основной международной силой, участвующей в мирном процессе, останутся США, чья политика на данном направлении имела очевидную произраильскую направленность и в силу этого была во многом лишена объективности.

Вплоть до 2000-х гг. Европейский союз продолжал предпринимать попытки по расширению своего участия в процессе мирного урегулирования. Например, одной из практических инициатив стало назначение спецпосланника ЕС М.А. Моратиноса для регулирования динамики палестино-израильского конфликта. Однако непродуманность круга его полномочий предопределила неудачу этой инициати-

⁴ Declaration on European Identity. Copenhagen. 14 December 1973. *Bulletin of the European Communities*. December 1973, № 12. Luxembourg: Office for Official Publications of the European Communities. P. 118-122.

вы. Он должен был обеспечивать контакты сторон, работать над обеспечением прав человека и т.д. Однако в реальности его деятельность свелась к формальному пребыванию в зоне конфликта, и ожидаемого оживления посреднической роли ЕС не последовало.

1997 г. стал годом, когда на саммите в Амстердаме лидеры европейских стран впервые стали говорить о своей поддержке права палестинцев на самоопределение, на словах поддержав создание Палестины как государства. Тогда же было оказано давление на Израиль в форме требований прекратить нарушение экономических и политических договорённостей, включая дальнейшее строительство поселений. Однако уже к 2000-м гг. активность Европы начала угасать. Лишь отдельные страны (такие как Бельгия, Дания и Швеция) заявили о своей готовности бойкотировать товары, произведённые в Израиле, в ответ на начало интифады аль-Акса и на активное строительство поселений.

Параллельно ЕС продолжал настаивать на том, что он признаёт лишь границы 1967 г.; государства Евросоюза считают строительство еврейских поселений идущим вразрез с законом. ЕС также критиковал Израиль и его «непропорциональное» применение силы во время антитеррористической операции «Защитная стена» в Ливане. Эта критика привела к резолюции ЕС, которая призывала к прекращению огня; введению экономических санкций в отношении Израиля и эмбарго на поставки оружия. После войны в Газе Европейский парламент одобрил доклад Голдстоуна, признававший вину израильских сил обороны в преступлениях против человечности. ЕС также критиковал израильскую

блокаду Газы, называя ее «коллективным наказанием».

Официальная позиция ЕС в палестино-израильском конфликте полностью соответствует внешнеполитическим целям и ценностям союза. Однако на практике европейские страны участвуют в судьбе Палестины достаточно сдержанно. Сегодня⁵ их деятельность сводится к тому, что официальные представители ЕС повторяют о своей приверженности декларациям ООН, а также в финансовой помощи, которая на регулярной основе оказывается ООП⁶. При этом на такие антипалестинские события, как, например, перенос посольства США в Иерусалим или предложенный Д. Трампом план «сделка века», страны ЕС реагируют лишь в форме устного осуждения или предостережения о возможной эскалации.

Одним из наиболее противоречивых моментов является торговля с поселениями, построенными на оккупированных территориях. Как уже отмечалось, на протяжении последних пятидесяти лет, вопреки международному осуждению на оккупированных территориях ведётся незаконное строительство поселений. Сегодня около 500 тыс. человек проживают в 200 поселениях на Западном берегу и в Восточном Иерусалиме⁷. До тех пор, пока продолжается строительство, реализация формулы «два государства для двух народов» невозможна. Лидер Палестины Махмуд Аббас, также, как и другие представители палестинского народа, говорил и продолжает говорить о том, что переговоры возможны только при условии, если поселенческая деятельность будет прекращена или, как минимум, заморожена.

Под давлением международного сообщества Израиль в 2005 г. заморозил стро-

⁵ В настоящее время единая политика Евросоюза по отношению к Израилю и Палестине, а также какая-либо активная деятельность, отсутствует в принципе. Как среди населения, так и среди политиков есть те, кто считает Израиль форпостом западной цивилизации на Ближнем Востоке и поддерживает его внешнеполитические шаги. Другие считают долгом Европы поддержку палестинского населения, которое находится в крайне затруднительном положении вследствие политики свершившихся фактов, которую проводит Израиль (примером этой политики является как раз строительство поселений).

⁶ *Press Release by 20 international human rights and aid agencies (13th December 2019). Record numbers of Palestinians displaced by demolitions as Quartet continues to talk.* Available at: <https://www.amnesty.org/en/latest/news/2011/12/record-number-palestinians-displaced-demolitions-quartet-continues-talk/> (accessed 26.06.2020).

⁷ *Israel and Palestine. Events of 2019. Report 2020. Human rights watch. 2020, April.* Available at: <https://www.hrw.org/world-report/2020/country-chapters/israel/palestine> (accessed 25.05.2020).

ительство поселений и в рамках плана размежевания демонтировал все поселения в Газе. Однако уже в 2010 г. возобновил строительство с новой силой. Поселенческую политику Израиля называют дискриминационной из-за того, что стремительное разрастание поселений в разы ухудшает уровень жизни палестинцев, ограничивает экономическое и инфраструктурное развитие, ограничивает их доступ к водным ресурсам. Так 75 % водных ресурсов на Западном берегу тратится на нужды израильтян, проживающих в поселениях, которые получают приоритет на воду в засушливые времена. Дороги, предназначенные только для поселенцев, строятся для того, чтобы соединить новые еврейские города. Облегчая передвижения поселенцев, они фрагментируют территорию и препятствуют нормальному передвижению палестинцев⁸. Израильские поселения строятся — палестинские дома разрушаются: в 2019 г. было уничтожено около 500 палестинских строений. Если в 2018 г. примерно 500 палестинских семей покинули свои дома, то в 2019 г. этот показатель увеличился вдвое [Spencer, 2019: 133-149].

Это — лишь некоторые примеры латентно дискриминационной политики Израиля в отношении Палестины. Возникает закономерный вопрос: не является перечисленное выше достаточным для того, чтобы ЕС жёстко пытался пресекать подобную политику Израиля? Например, введя санкции против Израиля или эмбарго на покупку товаров, произведённых на спорных территориях? Признавая строительство поселений незаконными, ЕС тем не менее продолжает развивать экономические и торговые отношения с Израилем. Европейские магазины наполнены овощами и фруктами, бытовой химией, косметикой и другими товарами, произведёнными

на территории поселений. Их производство на оккупированных территориях не становится причиной отказа ЕС от импорта, — так, в 2017 г. Израиль экспортировал в ЕС товаров на сумму 36,2 млрд. евро. Примерно треть израильских товаров производится в поселениях, построенных на нелегально оккупированных землях. Это стимулирует рост и развитие экономики поселений. Официальные лица Европы, несомненно, понимают, что именно торговые отношения с поселениями становятся преградой на пути к миру, а также причиной обнищания палестинского населения, и всё же эти отношения развиваются, находясь в противоречии с европейскими ценностями.

Формальное отношение к проблеме проявляется в том, что все попытки ЕС урегулировать этот вопрос оканчиваются неудачей. Вопрос нанесения маркировки на товары, произведённые в поселениях, был поднят в 2000-х гг., что должно было ввести ограничения в Соглашение об ассоциации между ЕС и Израилем, которое в 2000 г. отменило импортные пошлины на израильские товары. Правила описания происхождения товаров и их маркировки были чётко прописаны, — также, как и необходимость указывать в таможенных декларациях название населённого пункта, где произведены товары⁹. Это положение было подкреплено решением Европейского суда в 2010 г.¹⁰ Рекомендуются надписи «Западный берег (израильское поселение)» или «Западный берег (Палестина)». Однако эта дифференциация маркировки является добровольной и часто игнорируется. Регулярные финансовые потоки, представляющие собой безадресную помощь — это пока максимальная поддержка, которую способен оказать ЕС в тех конфликтах, в которых отсутствует его прямая материальная заинтересованность.

⁸ Unmasking the "Freeze": Israel's Alleged Moratorium on Settlement Construction Whitewashes Egregious Violations of International Law. *Al Haq position paper*. 2010. Available at: <http://www.alhaq.org/advocacy/6960.html> (accessed 27.06.2020).

⁹ Decision No 1/2009 of the EC-PLA Joint Committee of 24 June 2009 amending Protocol 3 to the Euro-Mediterranean Interim Association Agreement, concerning the definition of the concept of 'originating products' and methods of administrative cooperation. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2009/823/oj> (accessed 09.08.2020).

¹⁰ EU Court Allows Duties on Products from the Settlements. *Spiegel Online*. Available at: <http://www.spiegel.de/international/europe/0,15180380,00.html> (accessed 04.04.2020).

**Соотнесение системы
декларируемых европейских ценностей
с реальной политикой ЕС на
палестино-израильском направлении**

Создаётся впечатление, что Европейский союз неспособен эффективно действовать в соответствии с теми ценностями, которые он сам считает основополагающими. В рамках его палестино-израильской политики сомнительным выглядит стремление поддержать установку на обеспечение основных человеческих прав и свобод, а также верховенства закона, — несмотря на то, что такие декларации неоднократно имели место. Объединённая Европа играет ключевую роль в формировании международного языка урегулирования конфликта, заявляя о важности соблюдения прав палестинцев; при этом, однако, европейские страны не спешат предпринимать конкретных шагов, реализующих «европейские ценности» на уровне отношений с зарубежными партнёрами, например, с тем же Израилем. Напротив, наблюдается укрепление политических, экономических и культурных связей с Израилем, несмотря на жёсткую политику этой страны по отношению к палестинскому народу. На фоне очевидного тупика в палестино-израильском мирном процессе, ухудшения экономического и политического положения палестинцев и проведения Израилем агрессивной политики по отношению к Палестине (в частности активного строительства поселений и экономической блокады Западного берега) наблюдается сведение на нет посреднических усилий ЕС в этом направлении.

Отсутствие реальных попыток Евросоюза повлиять на Израиль в соответствии с декларируемыми «европейскими ценностями» (декларируемыми именно в качестве нормативных для самого ЕС) связано с рядом факторов.

Во-первых, отсутствует единая европейская позиция по вопросу отношения к палестино-израильскому конфликту. Несмотря на то, что ЕС считается самым

успешным интеграционным объединением, позиция стран-членов союза различна по многим вопросам. Странам ЕС часто приходится искать равновесие между европейской солидарностью и приверженностью общеевропейским ценностям (таким, как приоритет прав человека) — и необходимости защищать национальные интересы (в частности, экономические) [Малахов, Касцян, 2020: 148]. С этой точки зрения не удивительно, что странам-членам ЕС до сих пор не удаётся выработать единый подход к палестино-израильскому вопросу. Например, французские власти не раз говорили о необходимости признать права палестинцев и осуждали израильскую оккупацию. Напротив, Германия оказывает поддержку Израилю: долгое время немецкие власти не поддерживали декларации ООН по вопросам, связанным с палестино-израильским конфликтом [Gardner Feldman, 2014]. Великобритания, которая до недавнего времени являлась одной из самых влиятельных сил ЕС, поддерживает внешнеполитический вектор США, главного союзника Израиля.

Во-вторых, Израиль воспринимает подход ЕС к палестино-израильскому конфликту как несбалансированный, ориентированный на поддержку Палестины. Поэтому он стремится ограничить способность европейских стран действовать сообща, оказывая на него давление. Фактически Израиль как сторона конфликта не признаёт ЕС в качестве посредника, поскольку активная посредническая деятельность Евросоюза могла бы развернуть положение дел в крайне невыгодную для Израиля сторону.

В-третьих, Израиль является крайне выгодным партнёром для ЕС. Их идеологическая и политическая близость, сходное восприятие внутренних и внешних угроз, военная мощь Израиля и его инновационная экономика имеют высокую привлекательность для многих стран ЕС: они стремятся расширить сотрудничество с Израилем в области безопасности, обороны, энергетики и других сферах¹¹. Особое

¹¹ European Commission. 2020. Available at: http://ec.europa.eu/trade/creating-opportunities/bilateral-relations/countries/israel/index_en.html (accessed 30.04.2020).

отношение к Израилю влияет на тот факт, что механизм кондициональности в данном случае не применяется.

В-четвертых, крайне правые партии в Европе часто заинтересованы в том, чтобы продемонстрировать свою приверженность борьбе с антисемитизмом. Они готовы публично поддерживать любые действия Израиля, чтобы получить поддержку общественности внутри страны. Этот фактор можно условно обозначить как «комплекс Холокоста», который как раз является тем, что по-настоящему вписано в общеевропейский культурный код через ужасные события прошлого, повторения которых допустить невозможно. Точно также, как невозможно допустить подозрений, что какая-либо из европейских стран проявляет хотя бы какую-то нетерпимость к Израилю [Gardner Feldman, 2014]. Конфликт декларируемых ценностей в данном также решается в пользу экономически сильного партнёра.

Итак, «единая европейская идентичность» не проявила себя в реализации нормативно-этических деклараций. Скорее можно говорить о «здоровом прагматизме», сочетающем стремление «не потерять лицо» с чёткой установкой на реальное сотрудничество с выгодным партнёром. При этом позиция «хорошо бы разрешить конфликт, но хорошо бы сделать это с минимальными издержками» также не является идеологически консолидированной: на уровне политических заявлений остаются серьёзные разночтения в политическом курсе, например, таких значимых стран ЕС, как Франция и Германия. Таким образом можно выделить как минимум три уровня интерпретации ценностного фундамента позиции ЕС по палестино-израильскому конфликту: (1) уровень официальных документов ЕС, где декларировано единство ценностей и целей с позиций приоритета «общечеловеческих ценностей»; (2) уровень национальной политики каждой из стран, где наблюдается заметный «разнобой», наиболее последовательно поддающийся интерпретации в рамках «реальной политики»; (3) уровень «натурального» экономического, политического и культурного сотрудничества, где просматри-

вается чёткая система взаимодействия с Израилем в качестве ключевого партнёра и где отсутствует реализация декларируемых установок, направленных на поддержание курса, предполагающего создание паритета Израиля и Палестины.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что базовые ценности Евросоюза, — такие, как ценности свободы и мира, нормативно отражая специфику культурного самосознания европейцев, далеко не всегда определяют внешнеполитические векторы взаимодействия ЕС с другими акторами международных отношений. Если в начале 1990-х гг. на страны Европы, а потом на ЕС как важнейшего актора в урегулировании палестино-израильского конфликта, могли быть справедливо возложены большие надежды, то с течением времени потенциал Евросоюза как успешного посредника в мирном процессе практически сошёл на нет. Среди основных причин можно выделить: отсутствие единой позиции внутри ЕС, противодействие Израиля активной посреднической деятельности ЕС, экономическая выгода от сотрудничества с Израилем, а также особое к нему отношение в связи с тяжёлыми событиями прошлого в Европе. Как следствие, внутренние европейские противоречия, «комплекс вины» по поводу геноцида еврейского населения в середине XX в. в совокупности с экономической выгодой сотрудничества с Израилем способствуют неэффективности политики Евросоюза по палестино-израильскому мирному урегулированию. Показательно, что эта политика по умолчанию игнорирует «универсальные европейские ценности», которые положены в основу европейского единства.

Таким образом, этическая нормативность, увязанная в идентификационной программе с ценностным фундаментом, оказывается не столько причиной, сколько следствием реальных отношений в сфере экономики и политики. «Ценности» становятся управляемым элементом, позволяющим закрепить в самосознании европейца прагматически корректные результаты

и выстроить линию обороны в случае попыток изъять эти результаты из политического обращения. В политическом пространстве в качестве «естественного» фактора, сплачивающего Европейский союз, действует экономическая составляющая «европейской идентичности». Собственно культурная идентичность как некая общеевропейская модель идентичности остаётся как минимум под вопро-

сом. Несмотря на декларацию общих для всей Европы ценностей, внутри союза не находится чёткого и разделяемого большинством европейцев ответа на вопрос «кто мы?». ЕС сегодня — по-прежнему скорее экономическое объединение национальных государств со своими «наборами» культурных и политических ориентиров и установок, среди которых больше различных, чем общих.

DOES THE EUROPEAN IDENTITY REALLY EXIST? An Analysis of the European Unity Value Foundations in the Case of Its Mediatory Role in The Israeli-Palestinian Conflict

S.V. Melnikova

Sofia V. Melnikova — PhD student, Department of Diplomacy, MGIMO University. 119454, Moscow, prospect Vernadskogo, 76. E-mail: sophiazavodnik@gmail.com

Melnikova S.V. 2020. Does the European Identity Really Exist? An Analysis of the European Unity Value Foundations in the Case of Its Mediatory Role in The Israeli-Palestinian Conflict. *Concept: Philosophy, Religion, Culture*. Vol. 4. No 3(15). P. 29–42. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2020-3-15-29-42>

Received: 04.06.2020. Accepted: 31.08.2020.

Conflicts of interest. The author declares the absence of the conflicts of interest.

Abstract. As the issues of cultural identity (a hidden code that shapes cultural identity of states or supranational organisations) in the context of international actors' attitudes and world politics as such are topical, it is necessary to analyze specific indicators of such codes and behavior patterns. The tensions between the real attitudes manifested in foreign policy and the values declared in official documents prevent the formation of a single cultural identity, but shed light on real policy drivers.

The article deals with the features of cultural identity as a phenomenon in international relations in the particular case of the European Union's value orientations, indicated in official documents, and the EU foreign policy when mediating the Israeli-Palestinian conflict. As now the EU single cultural space faces internal crisis, it is legitimate to raise the issue of whether single European culture or common European values exist. A particular axiological analysis of EU Common Foreign and Security Policy in the Middle East, of both actions and declarations in the abovementioned peace talks shall contribute to the research. In this context, a passive role of the European Union in such a complex conflict as the Palestinian-Israeli one demonstrates the peculiarities of internal processes in the EU. This allows us to conclude whether the cultural identity of the European Union is real, or whether the EU is a legal fiction, an artificial union of different national identities.

Keywords: Philosophy of culture, cultural identity, European values, EU foreign policy, the Palestinian-Israeli conflict.

References:

- Anderson B. 1991. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York: Verso. 224 p.
- Barthes R. 1977. Elements of Semiology. *Hill and Wang*. April 1. P. 28-79.
- Borg I., Groenen P.J.F. 2005. Modern Multidimensional Scaling: Theory and Applications. *Springer Verlag*. Berlin. P. 293-306.
- Dinan D. 2017. Crisis in EU history. *European Union in Crisis London*. Red Globe Press. P. 16-31. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-60427-9>
- Gardner Feldman L. 1984. *The Special Relationship between West Germany and Israel*. London: George Allen & Unwin. P. 112-124.
- Geertz C. 1973. Thick Descriptions Toward an Interpretive Theory of Culture. *The interpretation of Culture*. Ch. 1. New York: Bane book. P. 3-30.
- Jones E. 2012. *Identity and Solidarity. Oxford Handbook on the European Union*. New York: Oxford University Press. 746 p.
- Habermas J. 2006. Why Europe Needs a Constitution. *New Left Review*. 42 (11). P. 22-38.
- Hofstede G. 2001. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions, and Organizations Across Nations*. London, New Delhi: Sage Publication. 596 p.
- Inglehart R. 1997. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press. 453 p.
- Riddervold M. 2010. Interests or Principles? EU Foreign Policy in the ILO. *Journal of European Public Policy*. 17 (4). P. 581-598.
- Schwartz S.H. 2006. A theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*. 5 (2-3). P. 137-182.
- Spencer R. 2019. *The Palestinian Delusion: The Catastrophic History of the Middle East Peace Process*. New York: Bombardier Books. 304 p.
- Wolfer A. 1962. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins University Press. 283 p.
- Filosofiiia kul'tury v sisteme izucheniiia mezhdunarodnykh otnoshenii. Kniga 1. Paradoksy issledovatel'skoi prizmy* [Philosophy of Culture in the System of International Studies. Book 1. Paradoxes of the Research Prism]. 2020. M.V. Silant'eva, N.I. Biriukov, V.S. Glagolev i dr.; pod obshchei redaktsiei M.V. Silant'evoi; nauchnyi redaktor A.V. Shestopal. Moscow: Izdatel'stvo MGIMO-Universiteta. 544 p. (In Russian).
- Eremina N.V. 2017. Krizis evropeiskoi identichnosti i Brexit [European Identity Crisis and Brexit]. *Azimut nauchnykh issledovaniy*. № 2 (19). P. 327-330 (In Russian).
- Gudalov N.N. 2016. Razvitiie i osobennosti pozitsii Evropeiskogo soiuza po osnovnym politicheskim aspektam razresheniia palestino-izrail'skogo konflikta [Development of the European Union's Position on Major Political Aspects of the Resolution of the Israeli-Palestinian Conflict]. *Vestnik SPbGU. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniia*. № 4. P. 89-107 (In Russian).
- Ignat'eva O.A. 2017. Vliianie mezhetnicheskoi kommunikatsii na natsional'nuiu identichnost' i vneshniuiu politiku gosudarstva [The Interethnic Communication Influence on National Identity and State Foreign Policy]. *Koncept: filosofiiia, religiia, kul'tura*. № 3. P. 104-112 (In Russian).
- Igumnova L.O. 2011. Normativnye tseli vneshnei politiki Evropeiskogo soiuza [Normative Goals of the European Union Foreign Policy]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriiia*. № 1. P. 154-169 (In Russian).
- Konyshchev V.N. 2020. Neoklassicheskii realizm v teorii mezhdunarodnykh otnoshenii [Neoclassical Realism in International Relations Theory]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 4. P. 94-111. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07> (In Russian).
- Lebedeva M.M. 2017. «Miagkaia sila»: poniatie i podkhody ["Soft power": Concept and Approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. № 3 (54). P. 212-223 (In Russian).

- Litvak N.V. 2014. Zapad — Rossiia — Vostok: tsennosti natsional'nye, geograficheskie i ictoricheckie. [West — Russia — East: National, Geographic and Historic Values]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. № 2 (35). P. 250-252 (In Russian).
- Lotman M.Iu. 1996. Vnutri mysl'ashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. *Iazyki russkoi kul'tury*. P. 201-202 (In Russian).
- Malakhov V.S., Kastsian K.A. 2020. Evrosoiuz pered litsom vynuzhdennoi migratsii: politicheskoe i iuridicheskoe izmerenie [The EU Facing Forced Migration: Legal and Political Dimensions]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 4. P. 139-151 DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10> (In Russian).
- Mikhailin V. 2005. Tropa zverinykh slov: prostranstvenno orientirovannye kul'turnye kody v indoevropeiskoi traditsii [A Path of Animal Words: Spatially Oriented Cultural Codes in the Indo-European Tradition]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. P. 34-41 (In Russian).
- Pushkareva G.V. 2017. Idei i tsennosti kak sposob konstruirovaniia simvolicheskogo prostranstva natsional'noi identichnosti. [Ideas and Values as a Way of Constructing Symbolic Space of National Identity] *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 5. P. 156-173 DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11> (In Russian).
- Samarkina I.V., Morozova E.V., Miroshnichenko I.V. 2018. Vospriiatie Evropy v molodezhnoi srede v kontekste novykh realii mirovoi politiki [Youth Perceptions of Europe in the Context of New Realities of World Politics]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 3. P. 110-129 DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08> (In Russian).
- Sergeev V.M., Kazantsev A.A., Medvedeva S.M. 2019. Krizis konstruktivizma i metodologicheskie problemy izucheniia mezhdunarodnykh otnoshenii [The Crisis of Constructivism and Methodological Problems of Studying International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniia*. № 5. P. 56-70 DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05> (In Russian).
- Shalinskii I.P. 2016. K voprosu o kul'turnom kode kak fenomene [Cultural Code as a Phenomenon]. *Zhurnal nauchnykh publikatsii aspirantov i doktorantov*. P. 67-69 (In Russian).
- Shestopal A.V. 2019. Filosofii i filosofy v kul'ture i praktike mezhdunarodnykh otnoshenii (latinoamerikanskii primery) [Philosophy and Philosophers in International Relations Culture and Practice (Evidence from Latin America)]. *Koncept: filosofiâ, religiâ, kul'tura*. № 2. P. 40-56 (In Russian).
- Smirnov A.V. 2017. Kollektivnoe kognitivnoe bessoznatel'noe i ego funktsii v logike, iazyke i kul'ture [Collective Cognitive Unconscious and its Functions in Logics, Language and Culture] *Vestnik RAN*. № 10 (87). P. 867-878 (In Russian).
- Torkunov A.V. 2018. Bez znaniia sobstvennoi kul'tury i istorii nevozmozhno rabotat' s zarubezhnyimi partnerami [It is Impossible to Work with Foreign Partners without Knowing One's Own Culture and History]. *Koncept: filosofiâ, religiâ, kul'tura*. № 3 (7). P. 7-14 (In Russian).
- Zykova O.A. 2003. Otnosheniia Evropeiskogo soiuzâ i Izrailia v kontekste arabo-izrail'skogo konflikta [The EU-Israeli Relations in the Context of the Arab-Israeli Conflict]. *Vostokovednyi sbornik*. № 5. P. 152-166 (In Russian).

Список литературы на русском языке:

- Гудалов Н.Н. 2016. Развитие и особенности позиции Европейского союза по основным политическим аспектам разрешения палестино-израильского конфликта. *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. № 4. С. 89-107.
- Ерёмина Н.В. 2017. Кризис европейской идентичности и Brexit. *Азимут научных исследований*. № 2 (19). С. 327-330.
- Зыкова О.А. 2003. Отношения Европейского союза и Израиля в контексте арабо-израильского конфликта. *Востокведный сборник*. № 5. С. 152-166.
- Игнатьева О.А. 2017. Влияние межэтнической коммуникации на национальную идентичность и внешнюю политику государства. *Концепт: философия, религия, культура*. № 3. С. 104-112.
- Игумнова Л.О. 2011. Нормативные цели внешней политики Европейского союза. *Известия Иркутского государственного университета. Серия: История*. № 1. С. 154-169.

Конышев В.Н. 2020. Неоклассический реализм в теории международных отношений. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 94-111. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.07>

Лебедева М.М. 2017. «Мягкая сила»: понятие и подходы. *Вестник МГИМО-Университета*. № 3 (54). С. 212-223.

Литвак Н.В. 2014. Запад — Россия — Восток: ценности национальные, географические и исторические. *Вестник МГИМО-Университета*. № 2 (35). С. 250-252.

Лотман М.Ю. 1996. Внутри мыслящих миров. *Языки русской культуры*. С. 201-202.

Малахов В.С., Касцян К.А. 2020. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение. *Полис. Политические исследования*. № 4. С. 139-151. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.10>

Михайлин В. 2005. Тропа звериных слов: пространственно ориентированные культурные коды в индоевропейской традиции. *Новое литературное обозрение*. С. 34-41.

Пушкарева Г.В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 156-173. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11>

Самаркина И.В., Морозова Е.В., Мирошниченко И.В. 2018. Восприятие Европы в молодёжной среде в контексте новых реалий мировой политики. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 110-129. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08>

Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. 2019. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений. *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 56-70. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.05.05>

Смирнов А.В. 2017. Коллективное когнитивное бессознательное и его функции в логике, языке и культуре. *Вестник РАН*. № 10 (87). С. 867-878.

Торкунов А.В. 2018. Без знания собственной культуры и истории невозможно работать с зарубежными партнёрами. *Концепт: философия, религия, культура*. № 3 (7). С. 7-14.

Философия культуры в системе изучения международных отношений. Книга 1. Парадоксы исследовательской призмы. 2020 / М.В. Силантьева, Н.И. Бирюков, В.С. Глаголев и др.; под общей редакцией М.В. Силантьевой; научный редактор А.В. Шестопа. Москва: Издательство МГИМО-Университета. 544 с.

Шалинский И.П. 2016. К вопросу о культурном коде как феномене. *Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов*. С. 67-69.

Шестопа А.В. 2019. Философия и философы в культуре и практике международных отношений (латиноамериканские примеры). *Концепт: философия, религия, культура*. № 2. С. 40-56.